

А.Л. Усанова
доцент кафедры ТИиК
факультета Искусств
Алтайского государственного факультета

Диалектика столичной и региональной бытовой культуры в СССР в первой половине XX века

Сегодня в исследовательской среде мы наблюдаем повышенный интерес к недавнему прошлому страны – историческим событиям, кинематографу, архитектуре, быту СССР. Понятие «советский стиль» по отношению к различным явлениям советской художественной культуры, уже вошло в общеупотребительный обиход, в то время как в искусствоведческой литературе еще не сформулировано его четкого определения.

Отмеченный выше интерес еще ярче выражен в широких кругах «неспециалистов», людей старшего и среднего поколений, чье детство и молодость пришлось на середину, 2 – половину XX века и во многом он обусловлен **личным отношением к истории**. В средствах массовой информации, на Интернет – форумах все чаще встречаются статьи и темы, смысл которых может быть сформулирован уже в духе нашего времени – «Куплю воспоминания, ДОРОГО!». Для многих прошлое воплощено не только в семейных фотографиях, письмах, но и в предметах, на фоне которых разворачивалась жизнь, все что украшало и «согревало» жизненное пространство миллионов граждан СССР.

В течении XX века понимание жилой среды и отношение человека к предметному быту стремительно менялось. Еще недавно, когда вещи были дефицитом, за ними гонялись, доставали их с трудом и с каждой связывались особые воспоминания, к личным вещам испытывали достаточно нежные чувства – предметы береглись, ремонтировались, выбрасывали их неохотно. Однако «потребительский» бум последних десятилетий привел к тому, что

ушедшие из повседневного обихода предметы, все чаще превращаются в «ностальгические островки» музейных экспозиций. В последние годы, нередко стихийно, в десятках городов и на Интернет - порталах, создаются музеи СССР, выставляются частные коллекции предметов советского быта и т.д. Этот факт говорит о том, что постепенно приходит осознание «советского искусства интерьера» как продукта своего времени, как особого стиля со своим набором приемов, знаков и символов.

Цель настоящего издания заключается в том, чтобы не только ближе познакомиться с предметным бытом советской эпохи, но обратиться к его информативной сущности.

В процессе изучения бытовой культуры, сложения художественно-бытовых традиций, наиболее целесообразным представляется предметный, или искусствоведческий подход, ориентированный на выявление художественных особенностей предметного мира. Кроме того, такой подход может быть ключевым в процессе дальнейшего изучения «советского интерьера» как цельного явления, поскольку искусство создания интерьера заключается в художественной организации архитектурно-пространственной среды, всех находящихся в ней предметов и объединяет различные виды пластического искусства и художественной деятельности.

В то же время воссоздание объективной картины специфики советского жилого интерьера как художественного явления, невозможно без изучения историко-культурного контекста его сложения и бытования. Даже в рамках экскурсионного текста, нам представляется важным обращение к исторической канве, как основе для динамических, трансформационных процессов в формировании художественно-бытовых традиций. Следуя данному принципу, постараемся кратко охарактеризовать ключевые исторические этапы, повлиявшие на сложение эстетических установок жилого пространства, как в целом в стране, так и с поправкой на региональные особенности данного процесса.

Политические и социальные потрясения в первые послереволюционные годы: декларативная отмена сословий в ноябре 1917 года, Гражданская война, эмиграция из страны, миграция сельского населения имели решающее значение для разрушения устойчивых культурно-бытовых традиций. Первые признаки деформации художественно-бытовых традиций городского населения во многом связаны с директивным решением «жилищного вопроса» в начале 20-х годов. Жилищная политика выражалась в «уплотнении» жилых помещений, экспроприации домов, квартир (нередко целиком с мебелью, домашней утварью), принадлежащих ранее зажиточным горожанам домовладельцам, купеческому сословию и т.д. Изъятые «жилплощади» заселялись «выдвиженцами» из партийной, рабочей среды недавними выходцами из городских окраин, окрестных сел.

Яркой страницей в процессе построения нового советского быта, явилась деятельность творческой, технической интеллигенции ориентированной на «конструктивистские» ценности функционального минимализма. Однако идеям революционного переустройства всей предметно – пространственной среды, направленным на «борьбу с мещанством» с «фарфорово – фаянсовой диктатурой» за «новый обобществленный быт» не суждено было получить широкого распространения.

Столичные брожения 10-х -20-х годов, не оказали глобального влияния на бытовые традиции сибиряков в силу территориальной удаленности и относительной социальной стабильности свойственной в целом провинциальным городам, До середины 30-х годов в укладе жизни большинства сибирских горожан наблюдается инерционное бытование традиционных крестьянских эстетических установок, влияние городской низовой художественной культуры. Однако уже во второй половине 30-х годах ситуация резко меняется.

Развернувшаяся индустриализация, коллективизация спровоцировали небывалый приток в города выходцев из деревни. Вчерашние крестьяне селились в общежитиях и наскоро возводимых бараках. Такая ущербная урбанизация, складывающаяся в силу определенных экономических, историко-культурных и экстремальных условий на протяжении десятилетий породила пласт культурно-бытовых установок у значительной части городского населения СССР получивших название «барачной» культуры. Однако стремление власти к недопущению окончательного разрушения социокультурной основы городской жизни уже в начале 1930-х годов привело к формированию определенной культурной политики в области повседневной жизни, которую В.Волков назвал огороживанием новой рабочей силы [2]. Популяризация и пропаганда идеи культурности выражалась не только в выпуске целого ряда печатных изданий «Культура и быт» 1930-1932 гг., «Женский журнал» 1926-1930 гг., «Искусство в массы» 1930-1932 гг., с рекомендациями по обустройству культурного быта, владыками для самостоятельного изготовления полок, этажерок, абажуров, схем для вышивок и моделей одежды, но и в повсеместном формировании институтов и широкой сети «Культпросветдвижения».

Следующий уровень освоения культурности во второй половине 30-х годов, представлял собой повышение стандартов потребления, что нашло свое выражение в известном лозунге Сталина 1935 года: Жить стало лучше; жить стало веселее [3]. Этим лозунгом было санкционировано право на веселую зажиточную жизнь, а понятие бытовой культурности стало отождествляться с культурой потребления. Этот процесс явился едва ли не ключевым в сложении определенных художественно-бытовых традиций, в формировании эстетических установок бытового дизайна в СССР. Поощрение потребительской культуры дало людям возможность в какой-то степени удовлетворить свою тягу к уюту и комфорту. Население начинает покупать мебель и предметы домашнего обихода, в домах горожан обосновались вещи, которые можно назвать символическими в плане

«культуры быта» - абажуры, этажерки, жардиньерки и др. Однако не развитая индустрия быта, дороговизна, делали эти вещи малодоступными для большинства. В данной ситуации особую значимость приобретают умения самостоятельного изготовления модных новинок для дома и навыки обустройства быта. Так в условиях социо-культурного хаоса формируется новая ветвь народной художественной культуры XX века – советский бытовой дизайн. Основу развития данного явления составляли различные виды традиционного рукоделья – вышивка, вязание и т.д., что вполне соответствовало формату «народности» свойственного в целом советскому искусству того времени. Например, в фильме «Богатая невеста» 1937 года И. Пырьева (уроженца г. Камня - на - Оби Барнаульского уезда Томской губернии) праздничная атмосфера коллективного труда, колхозного быта воссоздается обращением к традиционному народному костюму и убранству интерьера с обилием фоновое белого цвета.

В силу многообразия культурного ландшафта страны изучение процесса сложения художественно - бытовых традиций у населения СССР не возможно без учета региональных особенностей. Так, Западная Сибирь, Восточный Казахстан - четверть века, являвшиеся территорией ГУЛАГа стали еще и плавильным центром национальных культур и эстетических установок, что неизбежно отразилось в предметном творчестве и сохранившихся образцах рукоделья 30-х – 50-х годов. Экспансия «столичной» бытовой культуры в начале 40-х годов связанная с эвакуацией промышленных производств, театров, вузов из центральных районов СССР на Урал, в Сибирь и республики Средней Азии также имела определенные последствия и для социокультурной ситуации регионов. Прибывавшая техническая, творческая интеллигенция, врачи, педагоги и другие специалисты с семьями, в отличие от ссыльных, везли с собой не только мелкую утварь, но и предметы мебели, музыкальные инструменты, библиотеки и т.д. Редкие для регионов образцы европейской мебели,

гобеленов и шпалер преимущественно XIX начала XX веков, являлись порой «фасонными» образцами для местных умельцев.

Окончание войны - в массовом сознании прочно связывалось с наступлением «лучшей жизни». В контексте материального воплощения «лучшая жизнь» это зажиточность – сытость (отмена карточной системы в 1947 году) и наличие «красивых» в общепринятом смысле вещей. Поток трофейных подарков хлынувших в города и веси страны в послевоенное время явился важным компонентом в формировании эстетических предпочтений, особенно у провинциального населения. На рубеже 40-х - 50-х годов на фоне продолжающегося предметного дефицита и бедности, тяготение к уюту, к обустройству визуального частного пространства в русле «лучшей жизни» порождает целую индустрию китчевых вещей имитирующих «зажиточность», «роскошь»: ковровая живопись, гипсовая, деревянная пластика и т.д. мода на пышность и изобилие в вещной среде обитания послевоенных лет, развивается в двух направлениях: первое - продолжает начавшуюся с середины 30-х годов интерпретацию народного искусства (характерные детали декора вышивки, искусственные цветы), второе условно назовем его «аристократическим» предполагает в интерьере присутствие фарфора, жардиньерок, пальм в кадке, изящных тонкогорлых вазочек и плюша.

Таким образом, даже беглый экскурс в историю формирования «советского искусства интерьера» позволяет выявить некую особенность свойственную этому явлению в целом, его рукотворность: вышивали крестом и гладью шторы и чехлы для стульев, выпиливали лобзиком, выжигали паяльником, плели макраме и под Новый год вырезали снежинки из папиросной бумаги. Именно декор был в большинстве случаев «визитной карточкой» дома, отражающей вкусы и пристрастия советских граждан всех социальных слоев.

Литература:

1. Кнабе Г. Образ бытовой вещи как источник исторического познания //Вещь в искусстве. Материалы научной конференции - 1984.- М., 1986
2. Волков В. Концепция культурности, 1935-38 годы / В.В. Волков // Социологический журнал – 1996
3. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 14. – М.: Издательство “Писатель”, 1997. С. 79–92 Из речи И. В. Сталина (1878—1953) на I Всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935 г.): «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Далее лидер партии продолжил: «А когда весело живется, работа спорится... Если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас». В современной речи цитируется, как правило, иронически — о неблагоприятно сложившихся жизненных обстоятельствах.